

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 5, pp. 963–978, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.47).083

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-963-978

К истории калмыцкой повседневности: дела и заботы Ики-Хурулова Шебенерова рода (вторая половина XIX – начало XX в.)

*Александр Нармаевич Команджаев¹, Евгений Александрович Команджаев²,
Баатр Викторович Очиров³*

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

главный специалист

 0000-0002-3471-8008. E-mail: ochirov.baatr@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., Очиров Б. В., 2022

Аннотация. *Актуальность* изучения истории повседневности на современном этапе вызвана запросом общества в условиях поиска путей самоидентификации народов. В связи с этим возрастает интерес к истории повседневности у калмыков — уникального во многих отношениях этноса. Необходимость обращения авторов к этой проблеме объясняется также ее малоизученностью, поскольку опыт ее исследования ограничивается лишь фрагментарными наблюдениями небольшого круга авторов. *Цель и задачи.* С учетом вышесказанного авторы в данной работе обозначили ее конкретную цель: охарактеризовать историю калмыцкой повседневности на примере дел и забот одного из Шебенеровых родов Калмыцкой степи Астраханской губернии. Избранные авторами хронологические рамки исследования (вторая половина XIX – начала XX в.) объясняются наибольшим в указанный период богатством новаций, что вызвало серьезные изменения в размеренной кочевой жизни. *Источники.* Исследование основано на использовании архивных источников, по преимуществу делопроизводственных материалов

фондов Управления калмыцким народом и Малодербетовского улусного управления, хранящихся в Национальном архиве Калмыкии. Данные источники впервые вводятся в научный оборот. *Методы.* Исследование базируется на применении комплекса общенаучных и специально-исторических методов, из которых основополагающая роль принадлежит цивилизационно-культурному и междисциплинарному подходам в сочетании с принципами историзма и объективности, что позволило авторам добиться максимальной достоверности описываемых явлений калмыцкой жизни. *Результаты.* В изучаемый период наблюдалось радикальное разрушение родовой замкнутости калмыцкого общества, вызванное как административными мерами в результате укрупнения аймаков и хотонов в 1910 г., так и социально-экономическими изменениями, следствием которых являлись заметное расслоение общества и миграции обедневших лиц в поисках работы, в том числе за пределы губернии. Свою лепту в эти процессы внесли крестьянские переселения в Калмыцкую степь, что вызвало дополнительные проблемы в земельных отношениях с ними.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, кочевники, калмыки, улус, род, аймак, хотон, административная реформа, крестьяне, село, аренда

Для цитирования: Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., Очиров Б. В. К истории калмыцкой повседневности: дела и заботы Ики-Хурулова Шебенерова рода (вторая половина XIX – начало XX в.) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 5. С. 963–978. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-963-978

Works and Concerns of Iki-Khurul Shabinar Clan, Mid-19th to Early 20th Centuries: History of Kalmyk Everyday Life Approached

Alexandr N. Komandzhaev¹, Evgeniy A. Komandzhaev², Baatr V. Ochirov³

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of Department

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Chief Specialist

 0000-0002-3471-8008. E-mail: ochirov.baatr@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Ochirov B. V., 2022

Abstract. Introduction. The current community demand for ethnic identity search and its paths makes insights into everyday life of the past topical enough. So, there is also a growing interest in past Kalmyk everyday life which proves unique in many respects. Another research motive is that the phenomenon remains understudied and is limited to some fragmentary observations of a small circle of authors. *Goals.* The paper aims at characterizing a history of Kalmyk everyday life through the example of deeds and concerns of one *shabinar* clan to have inhabited Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate. The chronological framework — mid-19th to early 20th centuries — is explained by the abundance of innovations witnessed by the period to have caused essential changes in the slow-paced nomadic life. *Materials and methods.* The study analyzes a wide range of archival sources to focus on records management documents housed at the National Archive of Kalmykia (collections ‘Kalmyk People’s Executive Department’ and ‘Executive Office of Baga Dorbet Ulus’) and thus introduced

into scientific circulation. The study employs a complex of general scientific and special historical methods, with a fundamental role to be played by the civilizational/cultural and interdisciplinary approaches in combination with the principles of historicism and objectivity together supposed to yield maximum truthfulness in descriptions of examined phenomena. *Results.* The period under study is distinguished by a dramatic destruction of the clan/tribal isolation once inherent to Kalmyk society, this caused by both administrative measures (the 1910 consolidation of *aimaks* and *khotons*) and socioeconomic changes to have resulted in essential stratification of society and labor migrations of impoverished individuals and families (including beyond borders of Governorate proper). The latter processes were aggravated by Russian peasant inflows to Kalmyk Steppe and additional land-related problems.

Keywords: Kalmyk Steppe, nomads, Kalmyks, *ulus*, clan, *aimak*, *khoton*, administrative reform, peasants, village, lease

For citation: Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Ochirov B. V. Works and Concerns of Iki-Khurul Shabinar Clan, Mid-19th to Early 20th Centuries: History of Kalmyk Everyday Life Approached. *Oriental Studies*. 2022; 15(5): 963–978. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-963-978

Введение

Объектом внимания авторов является один из калмыцких родов — Ики-Хурулов Шебенеров род Малодербетовского улуса — во второй половине XIX – начале XX в. Данный период в истории калмыцкого народа заметен наибольшим количеством новаций: начавшийся, а порой, в некоторых случаях, завершившийся переход кочевников к оседлости со всеми вытекающими отсюда последствиями; социальное расслоение в среде некогда однородного сословия простолюдинов и массовый отход бедной части населения на заработки или обращение к другим формам хозяйствования, отсюда — необходимость социальной защиты населения, в том числе врачебной помощи и опеки над сиротами и неимущими; усложнившиеся земельные отношения в связи с активной колонизацией региона крестьянами, водные проблемы, закономерно возникавшие в условиях ограничения пастбищ в аридной зоне; развитие путей сообщения через некогда пустынные калмыцкие улусы из центра страны на юг; административные преобразования, возросшая активизация деятельности органов местного самоуправления и др.

Актуальность исследования калмыцкой повседневности в указанный период объясняется ее малоизученностью. В дооктябрьской историографии обращалось внимание лишь на некоторые бросающиеся в глаза случаи, отличавшие калмыцкую повседневность. Яркие наблюдения и заметки

современников описываемых событий имеют в данном случае также источниковую ценность [Нефедьев 1834; Небольсин 1852; Бентковский 1869; Новолетов 1884; Житецкий 1892; Бакунин 1995; Дуброва 1998; Смирнов 1999].

В начальные годы советского периода историография проблемы пополнилась фундаментальными трудами Н. Н. Пальмова [Пальмов 1932] и У. Д. Душана [Душан 2016]. Некоторые факты повседневной жизни калмыков отражены в труде У. Э. Эрдниева [Эрдниев 1985] и в статьях сборника о калмыцких обычаях и обрядах [Обычай 1989].

На современном этапе на калмыцкую повседневность обращали внимание Н. Л. Жуковская, Э. П. Бакаева и др. [Жуковская 2013; Калмыки 2010].

В некоторых современных работах также затронуты отдельные вопросы истории калмыцкой повседневности изучаемого периода [Команджаев, Бадмаева, Мацакова 2020; Команджаев, Бадмаева 2021; Команджаев, Команджаев 2021].

В текущем году опубликовал статью об актуальности и истории изучения повседневности М. М. Батмаев [Батмаев 2022]. Вместе с тем поставленная проблема еще более актуализируется в связи с поиском самоидентификации народов России в современный период.

Исходя из степени изученности проблемы, авторы определили цель исследования: представить анализ дел и забот дореволю-

ционного общества во второй половине XIX – начале XX в. на примере одного из калмыцких родов. Об Ики-Хуруловом Шебенеровом роде не имеется научных публикаций, за исключением упоминаний о нем в опубликованном отчете о поездке к астраханским калмыкам Н. О. Очирова [Очиров 1910], в монографии по этнической истории калмыков Г. О. Авляева [Авляев 2002] и заметках о тех или иных отдельных известных выходцах из Ики-Хурулова рода. Из подобных деятелей дореволюционного периода известен учитель Ц. П. Петкиев [Мукаева 1978].

Источниками исследования явились главным образом делопроизводственные материалы из фонда 9 (Управление калмыцким народом) и 15 (Малодербетовское улусное управление) Национального архива Республики Калмыкия, впервые вводимые авторами в научный оборот. Они позволили в значительной степени достоверности реконструировать повседневную жизнь калмыцкого общества на уровне аймаков и хотонов. Также существенную помощь в этой реконструкции оказали содержательные материалы естественно-исторического и статистико-экономического обследования Калмыцкой степи 1909 г., в которых представлены как описательные, так и статистические сведения о родах, в том числе об Ики-Хуруловом роде в 1909 г. [Материалы 1910].

Методология и методика нашего исследования базируется на сочетании культурно-цивилизационного и междисциплинарного подходов с принципами историзма и объективности, сравнительно-историческим, историко-генетическим и другими методами, которые позволили нам добиться максимальной достоверности.

Административно-территориальный статус Ики-Хурулова рода

Ики-Хурулов Шебенеров род относился к одному из известных калмыцких родов северной части Малодербетовского улуса. В административном отношении Ики-Хурулов род являлся до 1910 г. самостоятельной единицей — аймаком во главе с выборным аймачным старшиной. В период составления посемейного списка Ики-Хурулова рода в 1868 г. старшиной был Дорджи Джимбеев. Ики-Хурулов Шебенеров аймак

состоял в это время из 5–7 хотонов, во главе которых находились избираемые сроком на 3 года на аймачном сходе хотонные старосты. Нам известны имена пятерых хотонных старост в 1868 г.: Д.-Г. Лугутышиев, Я. Шара-Кюбенов, Д. Чебышев, Э. Хулусов и М. Манджиев [НА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 346. Л. 22].

Посемейный список 1868 г. был утвержден на аймачном сходе, который состоял из избранных должностных лиц и почетных стариков. В том сходе, состоявшемся 18 декабря, приняли участие 16 стариков, имена которых указаны в приговоре: Бадма Бальджиров, Санджи Маджаров, Барга Лушаев и др. [НА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 346. Л. 22].

Представляют интерес результаты выборов на Малодербетовском улусном сходе должностных лиц в Ики-Хуруловом аймаке на трехлетие с 1897 по 1900 гг. Так, аймачным старшиной был избран Джап Санджиев в возрасте 31 года, кандидатами на эту должность стали Джал Немкеев и Дерт Деденов, каждый из которых в случае отсутствия главы аймака мог исполнять его обязанности [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1145. Л. 64]. Тогда же были избраны и утверждены старосты 8 хотонов Ики-Хурулова аймака: Очир Джимбеев (26 лет), Бюбе Маджаров (32 года), Кузьяр Бюбендыков (31 год), Бадма Адьянов (30 лет), Ноха Мартынов (30 лет), Санджи Кекечинов (36 лет), Мучка Боромагнаев (40 лет) и Гова Лиджиев (28 лет). К каждому старосте были избраны по 2 кандидата, имена которых также указаны в архивном деле [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1145. Л. 72].

Кроме этого, на улусном сходе избирались и назначались на трехлетие 9 улусных демчеев, занимавшихся организацией сбора податей и повинностей. Одним из них в 1897 г. стал представитель Ики-Хурулова рода Сеся Бадмаев (26 лет), кандидатами к нему Батыр Номгонов (Ики-Хурулов род) и Даду Катиев (Деед-Ламин Шебенеров род). На Малодербетовском улусном сходе 1897 г. были избраны 2 заседателя улусного зарго (суда) с положенными кандидатами, попечитель улусной школы и 3 улусных оценщика с двумя кандидатами к каждому. Кандидатом к одному из оценщиков был избран Папа Уту-Насунов из Ики-Хурулова рода [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1145. Л. 88].

В 1908 г. в калмыцких улусах Астраханской губернии началась подготовка к новому административно-общественному устройству, суть которого заключалась в укрупнении прежних аймаков и хотонов. Ики-Хурулов род, являвшийся самостоятельным аймаком в составе 8 хотонов, теперь уже становился хотоном в составе Шебенеровского аймака, в который также вошли хотон Горибского общества Ики-Манлан Шебенерова рода и Бакшин-Шебенеров хотон в балке Элисте (до этого — отдельные аймаки).

В 1909 г. в Управление калмыцким народом поступила телеграмма от старшины Деед-Ламин Шебенерова рода (ранее самостоятельного аймака) о желании рода войти в состав Шебенеровского аймака в качестве хотона. Дело в том, что Деед-Ламин Шебенеров род ранее планировалось включить в состав соседнего Цаган-Нурского аймака. До 20 декабря 1909 г. этот вопрос Управление калмыцким народом поручило обсудить на аймачных сходах соответствующих родов, однако, по всей вероятности, они не состоялись, поскольку в укрупненный Шебенеровский аймак Деед-Ламин Шебенеров род так и не был включен [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1636. Л. 209].

Мы должны понимать, что после реформы 1910 г. понятие «хотон» имело весьма условное значение как административная единица, поскольку население Ики-Хурулова рода продолжало вести повседневную жизнь прежними небольшими группами хотонов. На наш взгляд, жители хотона, как правило, были представителями одного арвана (десятка). Подобное деление калмыцких родов на десятки восходит к десятичной системе империи Чингис-хана. Согласно устному сообщению Б. А. Бичеева, в Ики-Хуруловом роде наличествовали следующие десятки: давшуд, монгол, цохор, бурул, номчуд, шарад, анджасуд, баахн багшин. Подобное деление у калмыков имело устойчивый характер, и административная реформа 1910 г. его не могла никоим образом затронуть.

На трехлетие 1910–1912 гг. старшиной Шебенеровского аймака был избран на сходе и затем утвержден губернатором представитель Ики-Хурулова рода Батыр Перлеев в возрасте 34 лет, бывший переводчик Малодербетовского улусного управления [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1599. Л. 165об.].

Писцом аймачного управления был назначен калмык Дунду-Хурулова рода в возрасте 21 года Чуче Лиджиев, бывший толмач при помощнике Малодербетовского попечителя по центральным родам [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1636. Л. 127об.].

Годовое жалованье аймачного старшины составляло 300 руб., писца аймачного управления также 300 руб., хотонного старосты — 60 руб., конного рассыльного (их было два в аймаке) — 180 руб. каждому, сторожа — 100 руб. На канцелярские расходы аймачному управлению выделялось 50 руб., на отопление и освещение — 75 руб. в год [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1599. Л. 158].

Старшине и старостам выдавались соответствующие медные печати и должностные знаки, а также каучуковые печати управлений [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1636. Л. 15–18].

Для каждого аймачного управления были приобретены бланки и книги для входящих и исходящих бумаг, посемейные списки, книги для записи приговоров и др. (всего 26 наименований), денежный сундук (сейф), свод законов Российской империи, портрет императора [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1636. Л. 32, 49].

Согласно Инструкции должностным лицам калмыцкого общественного управления Астраханской губернии, утвержденной Министром внутренних дел России, теперь уже аймачные старшины, хотонные старосты и кандидаты к ним избирались на аймачных сходах, на улусных сходах — демчеи и бодокчеи (посредники в спорных вопросах). Для всех должностных лиц устанавливался возрастной ценз (не моложе 25 лет), а также имущественный ценз (обязательно имевшие собственное хозяйство) и еще одно условие — они должны были не состоять под судом и следствием [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1636. Л. 132].

На аймачных сходах избирались члены схода — органа местного самоуправления, по одному от каждых 5 семей (кибиток). Члены улусного схода избирались на аймачных сходах по одному от каждых 20 семей. Аймачный сход считался состоявшимся при присутствии двух третей членов, решения принимались простым большинством при голосовании. Участниками хотонного схода являлись все домохозяева хотона, для легитимности решения достаточно было

добиться присутствия более половины голосов, приговоры утверждались простым большинством голосов.

Астраханский губернатор докладывал Министру внутренних дел 4 января 1910 г.: «С 1 января 1910 г. действуют аймачные управления по типу волостных, впервые объединившие весь народ в 34 крупных аймака при полном уравнивании в правах калмыцких должностных лиц с общекрестьянскими» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 11636. Л. 197].

Торжественное открытие Шебеновского аймачного управления в присутствии главных чинов улусной администрации, местного духовенства, должностных лиц аймака и почетных стариков состоялось 10 января 1910 г. и заключалось в обращении попечителя к участникам собрания, торжественном молебне духовенства родового Галдан-Шараблинг большого хурула и приведения к присяге аймачного старшины и хотонных старост. После этого 11 января 1910 г. попечитель Малодербетовского улуса направил телеграмму астраханскому губернатору следующего содержания: «Шебеновский аймак, празднуя открытие аймачного управления ... просит Ваше Превосходительство и главного попечителя ... принять неизъяснимую благодарность за введение нового общественного управления, основанного на началах законности, справедливости и ближайшего знакомства с бытом калмыков» [НА РК. Ф. 9. Оп. 10. Д. 8. Л. 9].

17 января 1910 г. управляющий земским отделом Министерства внутренних дел России сообщил астраханскому губернатору: «На всеподданнейшем докладе Министра внутренних дел ... по случаю открытия с 1 января аймачных управлений ... Государь Император собственноручно начертать соизволил „Искренно благодарю астраханских калмыков“. Об этом Управление калмыцким народом направило информацию в редакции „Астраханских губернских ведомостей“, „Астраханского листка“ и „Астраханского вестника“ [НА РК. Ф. 9. Оп. 10. Д. 8. Л. 41].

Численность жителей рода

Население рода было издавна приписано к Галдан-Шараблинг большому хурулу, кочевавшему вместе со всеми зимой

на урочище Батыр, летом — на урочище Аршань. По сведениям 1911 г., в этом хуруле несли службу 53 гелюнга, гецула и манджика (имеется в архивном деле по фамильный список) [НА РК. Ф. 9. Оп. 11. Д. 16. Л. 102–113].

В Ики-Хуруловом роде, как и во всех Шебеновых родах, не было родовых зайсангов, и все население по официальной статистике было отнесено к простолюдидам, выплачивавшим повинности и подати местному хурулу.

По данным посемейных списков калмыков Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии, в Ики-Хуруловом Шебеновском аймаке в 1868 г. имелось в наличии 397 семей (кибиток), в которых насчитывалось 1 285 мужчин и 886 женщин [НА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 346. Л. 1].

Столь значительное превышение численности мужчин почти на 20 % в этом аймаке являлось необычным даже для калмыцкого населения в дореволюционный период, у которого преобладание численности мужчин составляло в среднем около 10 %. В калмыцкой историографии этот аспект не являлся предметом специального исследования, хотя следует признать, что подобное явление наблюдалось у многих народов в изучаемый период, в том числе у кочевых. Чины администрации Калмыцкой степи, признавая это вполне обычным явлением, ограничивались, с чем нельзя не согласиться, лишь признанием тяжелой женской доли в калмыцкой жизни. Это косвенно подтверждается статистикой населения Ики-Хурулова рода по возрасту: в возрасте до 10 лет превышение числа мужчин над численностью женщин составляло, по данным 1868 г., 6 %, от 11 до 20 лет — 25 %, от 21 до 30 лет — также 25 %, в возрасте от 31 до 40 лет наблюдалось значительное снижение этой разницы до 9,2 %, в возрасте от 41 до 50 лет уже преобладала численность женщин на 0,4 %, от 51 до 60 лет наблюдалась большая смертность населения и количество мужчин (40 чел.) стало преобладающим на 35,6 %. Старше 60 лет в Ики-Хуруловом аймаке насчитывалось всего 32 чел., в том числе 26 мужчин и 6 женщин [НА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 346. Л. 2]. В целом с повышением возраста, начиная с 21 года, численность жителей аймака в старших возрастных группах последовательно сокращалась.

Что касается 58 семей калмыков Ики-Хурулова рода, кочевавших вне Калмыцкой степи в 1868 г., из них 34 семьи проживали в Царевском уезде Астраханской губ., в области Войска Донского — 11 семей, в том числе одна семья в станице Нижнечирской, в Саратовской губ. — 8 семей, в Ставропольской губ. — 4 семьи, из которых одна семья — в пределах р. Кумы [НА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 346. Л. 24].

В связи с дальнейшей социальной поляризацией жителей Ики-Хурулова рода, объяснявшейся не только их простым имущественным неравенством, но и расслоением в условиях товарно-денежных отношений, миграционный поток постепенно возрастал. Так, по данным 1896 г. в Ики-Хуруловом роде имелось 227 семей, а также 19 кибиток буддийского духовенства, из которых 3 семьи и часть духовенства проживали в семи построенных домах. Из этого количества семей лишь у 174 домохозяев имелись домашние животные в небольшом количестве, как правило, 1–3 коровы. Овцы имелись у 50 хозяев (у 23 — по 50 и более овец), верблюды (по 1–2 головы) — у 21 семьи, 50 чел. владели 1–2 лошадьми. Состоятельными в Ики-Хуруловом роде считались Мукебен Бадмаев, Перле Эрендженов, Лиджи Джунгруев, в хозяйстве которых насчитывалось 5 верблюдов, 2 лошади, 56 коров и 200 овец; 6 верблюдов, 60 лошадей, 20 коров и 120 овец; 6 верблюдов, 65 лошадей, 23 коровы и 120 овец соответственно [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1152. Л. 1–4].

В том же году 22 хозяйства в Ики-Хуруловом роде из-за бедности были освобождены от уплаты податей и повинностей [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1152. Л. 7об.]. Тогда же в Малодербетовском улусе, но вне своего рода, проживало 16 семей Ики-Хурулова рода. Большое число представителей этого рода — 210 семей — кочевало за пределами улуса [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1145. Л. 19].

По данным другого архивного дела, в 1896 г. эта цифра в 226 семей конкретизирована по местам их проживания и работы: в Астраханской губернии в селах левобережья Волги оказалось 37 семей Ики-Хурулова рода, в станицах области Войска Донского — 49 семей, в Ставропольской губернии — 35 семей, в многочисленных русско-украинских селах, граничащих с Малодербетовским улусом, — 46 семей, в

том числе в с. Светлом Яре — 15, в с. Садовом — 11, в с. Обильном — 10 семей. По 1–3 семьи Ики-Хурулова рода оказались волею судьбы в кочевьях 13 родов северной и южной частей Малодербетовского улуса. 11 семей этого рода устроились на работу в городах Ставрополе, Царицыне и Цареве [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1152. Л. 8–10об.].

В том же 1896 г. в целях сбора кибиточного налога администрация улуса определила, что в Ики-Хуруловом аймаке — 509 семей вместе с находившимися вне рода и улуса [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1145. Л. 34]. Представляют интерес сопоставительные сведения 1896 г. о числе семей в Ики-Хуруловом Шебенеровом роде (509) с данными в соседних родах (Дунду-Хурулов Шебенеров род (без Унгун-Терячинского общества) — 801, Талтанкинов род — 450, Деед-Ламин Шебенеров род — 122, Бакшин-Шебенеров род в балке Элисте (еще был Бакшин-Шебенеров род на Тингуте, насчитывавший 72 семьи) — 134 семьи [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1145. Л. 34]. Безусловно, Ики-Хурулов род являлся одним из многочисленных родов в Малодербетовском улусе. По подсчетам администрации улуса на основе материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в Ики-Хуруловом роде кочевало 238 кибиток, в том числе 19 кибиток духовенства, в Малодербетовском улусе, но вне своего рода проживало еще 15 семей Ики-Хурулова рода, за пределами улуса находилось 176 семей калмыков этого рода [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1145. Л. 101].

Численность жителей, представителей этого рода, по данным обследования 1909 г., составила 1 547 чел., в том числе мужчин — 851, женщин — 696. Средняя численность семьи в Ики-Хуруловом роде составила 5,3 чел., варьируясь от 4,2 чел. в беднейших семьях до 10,2 — в богатых [Материалы 1910: 386].

В связи с этим вполне объяснимым являлось желание многих семей Ики-Хурулова рода, подавших заявления в Управление калмыцким народом о причислении их к тем аймакам, в которых они фактически проживали. В октябре 1906 г. подали заявления калмыки Ики-Хурулова рода Бадма и Шурга Болтаевы, оставшаяся вдовой Киштя Бадмаева в Управление калмыцким народом следующего содержания: «Лет 30–40 проживали наши отцы и деды, и мы родились в

Мандженкиновом роде южной части Малодербетовского улуса, где имели свое степное хозяйство с зимними убежищами для скота, а также пользуемся земельными угодьями наравне с калмыками Мандженкинова рода, а потому просим Управление дать распоряжение о перечислении нас с семьями в Мандженкинов род» [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1757. Л. 1]. Численность членов этих трех семей составляла 17 чел. [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1757. Л. 2].

Заявления такого же содержания подали и другие семьи Ики-Хурулова рода, столь же давно проживавшие в Мандженкиновском аймаке: Далаш Махалиев с семьей из 7 чел., братья Дорджи и Ходжигор Сесеевы, Бова Сесеева, братья Неля и Басанг Шириповы, Эрдни Нелеев и Басанг Бадмаев. В этих семи семьях насчитывалось 33 чел. [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1757. Л. 3–6, 9–10]. Это дело о перечислении 10 семей из Ики-Хурулова рода в Мандженкинов род тянулось 4,5 года до апреля 1911 г. Вначале старшина Мандженкинова рода Люрюб Олядыков выдал каждому из заявителей удостоверение о постоянном проживании этих семей в его аймаке, затем это же подтвердил заведующий южной частью Малодербетовского улуса. Далее потребовалась справка Шебеновского аймака (в его состав с 1910 г. вошел Ики-Хурулов род) о том, что перечисленные калмыки Ики-Хурулова рода, проживавшие в Мандженкиновом роде, не значатся в их списке и «никаких повинностей и недоимок за ними не числятся» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1757. Л. 22]. Попечитель Малодербетовского улуса подтвердил эту справку, и, наконец, заведующий Маньчским улусом (так стала называться с 1908 г. южная часть Малодербетовского улуса) 14 апреля 1911 г. сообщил Управлению калмыцким народом, «что калмыки Ики-Хурулова рода Малодербетовского улуса Махалиев и другие записаны в посемейный список хотона № 7 Бурульского аймака» (в его состав с 1910 г. вошел Мандженкинов род) [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1757. Л. 12, 14, 18, 27].

Достаточно быстро, с января по июль 1908 г., прошло рассмотрение заявления калмыков Ики-Хурулова рода братьев Манджи и Эренджена Балдановых о перечислении их в Богдан-Шебенов род южной части Малодербетовского улуса (Маньчского улуса). Поскольку в посемейных списках

Ики-Хурулова рода Балдановы значились в числе кочующих вне улуса и более конкретных сведений не имелось, помощник попечителя Малодербетовского улуса Проскуряков был вынужден на основе опроса старожилов Ики-Хурулова рода установить: «... по сведениям из Ики-Хурулова рода оказалось, что калмыки Манджи и Эренджен Балдановы уже 8–9 лет проживают при ставке южной части Малодербетовского улуса, и потому никто не может сказать, какого возраста члены семьи. Повинностей за Балдановыми не значится. Полагаю, что нет препятствий к перечислению их в Богдан-Шебенов род» [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1886. Л. 8об.].

После этого Управление калмыцким народом взяло инициативу в свои руки, вначале направив циркуляр заведующему Маньчским улусом с требованием вписать Балдановых в посемейный список Богдан-Шебеновского аймака, а затем обязав попечителя Малодербетовского улуса исключить заявителей из посемейного списка Ики-Хурулова рода [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1886. Л. 10–11].

Также в архивах имеются дела с заявлениями о принятии в состав Шебеновского аймака, в частности в 1915–1916 гг. от калмыка Ики-Манлан Шебеновского хотона Центрального аймака Малодербетовского улуса Тагира Зельмиева. По приговору Шебеновского аймачного схода, состоявшегося 1 марта 1916 г., он был принят с семьей в состав Горибского хотона этого аймака [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 2625. Л. 1–2].

В этот же период поступило заявление крестьянина Лаврентия Грицаева из с. Обильного, расположенного рядом с кочевьями Ики-Хурулова рода, о принятии его с семьей в состав этого рода, в чем ему было отказано [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 2620. Л. 1–3].

Поскольку Калмыцкая степь входила в число основных регионов Российской империи, поставлявших лошадей в ремонт кавалерии, то вся ее территория в 1910 г. была разделена на 34 военно-конских участка по числу образованных в том году аймаков, в том числе в Шебеновском военно-конском участке было учтено 1 085 лошадей.

Аймачный старшина Джап Санджиев и кандидат к нему Павел Япуев являлись по должности ответственными по военно-конскому участку [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 334. Л. 42, 133].

В апреле 1916 г. три коневода Шебенеровского аймака (Пюрвя Лиджиев, Арни Бадмаев и Дорджи Очиров) получили свидетельства Главного управления государственного коннозаводства о зачислении их в состав коннозаводчиков, что давало им некоторые льготы [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 415. Л. 22].

В сентябре 1916 г. в калмыцких улусах началась мобилизация калмыков в возрасте от 19 до 31 года на прифронтовые работы в зоне боевых действий: рытье окопов, погруочно-разгрузочные работы, возведение железнодорожных насыпей и др. Поскольку от призыва освобождались в тот момент представители калмыцкой знати, чины администрации, крупные скотоводы, а также рабочие рыбных и соляных промыслов, крупных животноводческих и земледельческих хозяйств, перегонщики скота у уполномоченных по заготовкам, рабочие транспорта, то в Шебенеровском аймаке, состоявшем преимущественно из бедных скотоводческих хозяйств, эта мобилизация была особенно трагичной.

Во всех улусах были созданы врачебные комиссии, которые производили медицинское освидетельствование по аймакам. Затем мобилизуемых направляли в г. Черный Яр для отправки командами в 500 чел. на тыловые работы. Заведующий Управлением калмыцким народом Б. Э. Криштафович 15 сентября 1916 г. направил главе улуса циркуляр следующего содержания: «15 сентября объявлено первым днем мобилизации. Ежедневно, начиная с 23 сентября, в Черный Яр должны прибывать партии по 100 чел. малодербетовских калмыков» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 224. Л. 1]. Совсем неудивительно, что Б. Э. Криштафович 10 октября 1916 г. направил телеграмму попечителю Малодербетовского улуса с сообщением, что в Черном Яру задержаны 6 калмыков, у которых не было сапог, 4 — без полушубков. Некоторые мобилизованные были одеты в войлочные «поршни» вместо сапог [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 224. Л. 252]. Такие задержки бедных полураздетых калмыков из разных улусов в г. Черный Яр были обычным явлением в период мобилизации.

В те дни Управление калмыцким народом было буквально завалено письменными заявлениями и телеграммами разных лиц со всех улусов с просьбой по различным

причинам освободить их от мобилизации. Такую телеграмму на имя заведующего калмыцким народом направил скотовод Ики-Хурулова рода Пюрвя Лиджиев в период подготовки мобилизационных мероприятий 15 июля 1916 г.: «Во всех аймаках улуса народ мобилизуется по переписи 1910 г. (имеются в виду посемейные списки в аймачных управлениях, составленные в 1910 г. — А. К., Е. К., Б. О.). По этой переписи сейчас моему сыну 18 лет. ... При ошибочном переписывании (посемейного списка. — А. К., Е. К., Б. О.) 1914 г. моему сыну теперь 19, и он мобилизуется. Я коннозаводчик, имею свидетельство главного управления государственного коннозаводства на 257 маток и 6 жеребцов. Три табунщика мобилизуются с моим сыном. Находясь в плачевном состоянии, прошу Вас, справившись о годах моего сына по переписи 1910 г., освободить его от мобилизации» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 224. Л. 406].

К сожалению, результат рассмотрения этого заявления П. Лиджиева в архивном деле нами не обнаружен, но, надо полагать, его сына от мобилизации освободили, как это и происходило на самом деле с заявлениями подобного содержания от коннозаводчиков.

Хозяйственные занятия

Возвращаясь к посемейным спискам 1868 г.: из 397 семей, проживавших на территории Ики-Хурулова рода, 199 семей (50,1 %) численностью 637 мужчин и 410 женщин занимались скотоводством, представители 197 семей (49,6 %), чья численность составляла 643 мужчин и 472 женщин, являлись наемными рабочими, чаще всего пастухами в богатых скотоводческих хозяйствах. Кстати, значительным обеднением населения и необходимостью поиска работы объяснялись, по нашему мнению, вышеперечисленные переселения многих семей Ики-Хурулова рода в исследуемый период. Лишь одна семья (4 мужчин и 2 женщины) была занята земледелием. В хозяйстве скотоводов Ики-Хурулова рода, по данным 1868 г., насчитывалось 249 верблюдов, 903 лошади, 2 884 головы крупного рогатого скота и 4 997 овец [НА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 346. Л. 2].

По материалам к отчету Управления калмыцким народом за 1894 г. был упомя-

нут Ики-Хурулов род вместе с Абганеровыми родами и пос. Червлёный, в которых калмыки посеяли 180 четвертей ржи, 189 четвертей яровой пшеницы, 18 четвертей овса, 15 — проса, 5 — горчицы. Собрано было 315 четвертей ржи, 318 — пшеницы, 52 — овса, 45 — проса и 12 четвертей горчицы [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 133. Л. 104].

По материалам обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии 1909 г., в Ики-Хуруловом роде насчитывалось 325 семей, из которых 18 совсем не имели скота. Большинство жителей (199 семей) составляли бедняки, имевшие от 1 до 10 голов скота. Средняков, имевших от 11 до 50 голов скота, — 73 семьи, относительно состоятельных семей с числом скота более 50 в Ики-Хуруловом роде насчитывалось лишь 16 семей [Материалы 1910: 386].

Обследование 1909 г. обнаружило в хозяйствах Ики-Хурулова рода 22 верблюда в возрасте свыше 2 лет, 700 взрослых лошадей и 213 жеребят в возрасте до 8 месяцев, 2 180 голов крупного рогатого скота старшего возраста и 1 065 — телят, 4 173 овец и 2 560 ягнят [Материалы 1910: 594].

Согласно данным обследования 1909 г. о кормовых запасах в Ики-Хуруловом роде, его жители накопили 114 360 пудов сена, 16 230 — камыша, 2 070 — соломы, купили 25 140 пудов сена и 8 100 — камыша, продали 19 800 пудов сена и 8 080 — камыша [Материалы 1910: 962].

Материалы обследования 1909 г. представили нам следующие цифры: в Ики-Хуруловом роде имелось 8 деревянных домов, 78 землянок и глинобитных домов, 86 амбаров и базов для скота, 10 хозяйств имели зимние колодцы со срубам. Земледелием занимались 4 хозяйства, самостоятельно возделывавших 40 дес. пашни. К этому следует добавить 8 хозяйств, распахивавших 61 дес. совместно с крестьянами соседних сел. 5 хозяйств развели в 1909 г. сады на площади 8 дес., 7 хозяйств — огороды на 20 дес., одно хозяйство посадило бахчевые культуры на 0,25 дес. и 3 хозяйства выращивали табак на 6,6 дес. Статистика 1909 г. определила 126 хозяйств в Ики-Хуруловом роде, которые поставляли 139 наемных рабочих, и 21 хозяйство, нанимавшее 33 годовых, 1 срокового и 33 поденных рабочих [Материалы 1910: 738].

Наличие стационарных жилых помещений, построек для скота, опыты земледелия и заготовка кормовых запасов для скота свидетельствуют о начавшемся переходе жителей рода к оседлости. Ряд хотонов практически перешел к оседлому хозяйствованию, лишь на зиму переходя в лиманы оз. Батыр, но чаще переход совершался несколькими скотоводами со скотом, остальное население оставалось на зиму в своих хотонах. При этом речь идет о переходе на сравнительно небольшое расстояние в 5–25 верст до оз. Батыр.

Содержательными явились сведения, представленные улусными попечителями Калмыцкой степи в Астраханское управление государственных имуществ в 1898 г. о кустарных промыслах. Попечитель Малодербетовского улуса сообщил, что повсеместно в улусе занимаются изготовлением серебряных изделий (наборов для калмыцких поясов и седел, женских украшений, отделкой посуды и хурульных принадлежностей), выделкой кожи и изготовлением кожаной посуды (ведра, бортха (сосуды), кадки для кумыса, черпаки и калмыцкие плетки) и плотнично-столярными работами.

В Ики-Хуруловом роде, по этим данным, ремеслом занимались пять семей (М. Токаева, Б. Болтыкова, Б. Бамбаева, М. Очирова и М. Бадмаева), из которых четверо изготавливали деревянные изделия. Помимо решеток, дверей и харачи (верхний круг кибитки) для кибиток, они делали сундуки, чашки и половники (шанга). Ученик местного родового хурула Манджи Очиров делал «донджики» (чайники) для калмыцкого чая [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1048. Л. 24–24об.].

Кустарным производством в калмыцких семьях занимались мужчины, реже женщины при изготовлении кожаных изделий. Иногда им помогали дети старше 15 лет. Поскольку каждый ремесленник также занимался в незначительной мере скотоводством, то младшие дети пасли скот. Серебро в виде лома кустари выписывали из Москвы небольшими партиями, кожа приобреталась на месте в улусе, лес закупали в с. Светлом Яре на частной лесопилке [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1048. Л. 25].

По данным улусного попечителя, изготовление изделий из кожи требовало ее предварительной обработки, чем занимались женщины: кожу помещали на несколь-

ко дней в закваску из молока, затем кожа очищалась от шерсти и жира, и в этом «сыром» виде поступала в производство. Готовые кожаные изделия подвергали сушке. Серебряные изделия, по сведениям попечителя, «в последнее время стали изготавливать под чернью, по примеру кавказцев. Нередко видим изящную работу из серебра: наборы для калмыцких поясов и седел, серебряная отделка кожаной и деревянной посуды, женские украшения (серьги, браслеты, кольца и др.), хурульные принадлежности» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1048. Л. 25об.].

Малодербетовским улусным попечителем в 1898 г. были собраны сведения о ценах на изделия местных кустарей: кожаные кадки емкостью от 2 до 8 ведер стоили в зависимости от объема от 2 до 5 руб., бортиха различной емкости (от 1/20 до 1/2 ведра) продавались по цене от 75 коп. до 4 руб. 50 коп., кожаные плети различной толщины — от 50 коп. до 2 руб., деревянные решетки (для изготовления кибитки их было нужно разных размеров от 6 до 10 штук) — 2–4 руб. каждая, харачи (верхний круг кибитки) — 1,5–3 руб., двери на кибитку в зависимости от отделки — 2–4 руб., сундуки — 2–10 руб., шанга (половники) — 20–60 коп., простые чашки из дерева — 10–25 коп., элементы седел — 1–5 руб., донджики — 2–5 руб. Все эти изделия продавались на месте.

Как правило, ремесленники задатков на заказанные изделия не брали: все основывалось на взаимном доверии. Местная администрация признавала, что эти ремесла у калмыков укоренились давно. Очень редки у кустарей случаи найма подсобников. Дорогие изделия на сельских ярмарках могли себе позволить состоятельные калмыки. Попечитель улуса Соловкин признавал: «Хорошие чашки покупают богатые калмыки на сельских ярмарках у торговцев по цене от 60 коп. до 10 руб., эти чашки маленькие (1–2 стакана). Дороговизна объясняется отделкой и сортом дерева. Все чашки привозные от жителей Кавказа, лучшие чашки делает армянин г. Моздока Попов» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1048. Л. 26].

Кроме ремесленников, изготавливавших изделия на продажу, по наблюдению чинов администрации, в каждой калмыцкой семье, имевшей овец, «исключительно женщинами выделялись кошмы, ширдыки, калмыцкие чулки, из верблюжьей шерсти —

арканы, тесьмы для кибиток и др. Предметы эти идут на собственные нужды и лишь излишнее сбывается своим однородцам, не имеющим овцеводства, или на ярмарках» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1048. Л. 27об.].

Дела земельные

Малодербетовский улус, являясь частью Калмыцкой степи Астраханской губернии, занимал значительную территорию. По данным обследования Калмыцкой степи 1909 г., на севере и северо-западе он примыкал к немецкой колонии Сарепта Саратовской губернии, к 10-верстной полосе вдоль Волги, находившейся в совместном пользовании калмыков, крестьян и казаков Астраханского казачьего войска, а также к русским переселенческим селам Цаца, Большие и Малые Чапурники и др. На востоке улус граничил с Икицохуровским, Багацохуровским и Харахусовским улусами, а также с надельными землями с. Барановки, г. Черного Яра. На южной границе улуса располагались оз. Маныч, Икицохуровский и часть Харахусовского улусов в районе Сарпинских озер. На западной границе улус соседствовал с землями области Войска Донского и крестьянскими селами Якшибай (Киселевка), Амта (Заветное), Зегиста (Торговое), Джурак (Ремонтное), административно входившими в состав Черноярского уезда Астраханской губернии. На малодербетовской территории были образованы крестьянские переселенческие села Аксай, Абганерово, Плодовитое, Тундутово, Садовое, Обильное, Элиста и др., окруженные калмыцкими землями и административно включенные в Черноярский уезд [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 695. Л. 1–1об.]. Ввиду значительной протяженности и большой численности населения Малодербетовский улус был разделен в административно-территориальном отношении на две части: северную (куда входил Ики-Хурулов Шебенеров род) и южную. Впервые на высшем уровне южная часть Малодербетовского улуса была названа Манычским улусом в указе императора 10 марта 1906 г. об открытии улусных зарго. Однако во всех официальных документах еще 2 года новое (Манычский улус) и старое (южная часть Малодербетовского улуса) названия продолжали дублироваться. Точку в этом вопросе поставило распоряжение астраханского губерна-

тора от 20 марта 1908 г. всем улусным попечителям: «В Высочайшем указе 10 марта 1906 г. об открытии улусных зарго южная часть Малодербетовского улуса названа Манычским улусом. Ввиду этого предлагаю именовать южную часть Манычским улусом» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 288. Л. 31].

В конце марта 1908 г. о новом названии южной части Малодербетовского улуса были информированы все учреждения Астраханской губернии, а также административные органы соседних губерний и области Войска Донского [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 288. Л. 32–38]. В связи с этим с 1908 г. вышло из употребления в официальных документах название «северная часть Малодербетовского улуса», которое было заменено на «Малодербетовский улус».

Земли Ики-Хурулова Шебенерова рода на западе включали в себя богатые родники относительно плодородные земли склонов Ергеней (урочища Аршань-Годжур, Аршань-Зельмень, Аршань-тег), на юге в урочищах речки Нарын-Зельме его территория граничила с надельными землями крестьян с. Обильного, на востоке роду принадлежала значительная часть оз. Батыр, где соседями являлись Деед-Ламин Шебенеров и Бакшин-Шебенеров рода и Горибское общество Ики-Манлан Шебенерова рода, на севере границы рода ограничивались надельными землями крестьян с. Садовое. Как отмечали авторы обследования 1909 г., переходы калмыками границ своих улусов и аймаков очень редки и «родовые пользования остаются навсегда почти неприкосновенными» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1695. Л. 3об.].

Однако очень сложными были земельные отношения с крестьянами соседних сел. Наряду с совместным опытом ведения земледелия, взаимной торговлей, поездками калмыков на ярмарки в соседние села, выгодной для родовой казны сдачей в аренду земель крестьянам для выпаса скота или распашки, работой калмыков по найму в переселенческих селах нередко возникали споры с жителями соседних крестьянских сел из-за самовольных захватов последними калмыцких урочищ. Обследование 1909 г. зафиксировало повсеместные случаи самовольных захватов лучших калмыцких земель соседями-крестьянами на всей приграничной территории Малодербетовского улуса [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1695. Л. 1–3].

В Ики-Хуруловом роде практически ежегодно возникали споры с крестьянами села Обильного из-за пользования урочищем Нарын-Зельме в результате отсутствия межевых знаков. В сообщении попечителя Малодербетовского улуса в Управление калмыцким народом 8 ноября 1906 г. говорилось о том, что старшина Ики-Хурулова рода Джап Санджиев обратился в улусное управление с жалобой на то, «что обиленцы урочище это обрыли канавой и удалили с него несколько кибиток (семей.— А. К., Е. К., Б. О.) калмыков, кочевавших на этом урочище» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 151. Л. 1].

Далее попечитель попросил Управление командировать землемера для установления новых межевых знаков и определения границ пользования урочищем спорящими сторонами «во избежание могущих произойти осложнений и нежелательных последствий при дальнейшем пользовании» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 151. Л. 1].

Управление калмыцким народом 29 декабря 1906 г. попросило астраханское губернское присутствие обязать при обмежевании урочища присутствовать земского начальника 5 участка Черноярского уезда и понятых от крестьян с. Обильного [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 151. Л. 2].

9 апреля 1907 г. состоялся аймачный сход Ики-Хурулова рода в составе 8 хотонных старост и 30 выборных лиц (один от 5 семей), на котором были перечислены обвинения против крестьян с. Обильного в самовольных распашках, сенокосении, выпасе скота, разрушении оседлых жилых калмыцких помещений, в уничтожении садовых насаждений и самовольном поселении на калмыцкой земле. Сход ходатайствовал о командировании землемера для установления границ рода с землями крестьян с. Обильного в урочище Джеваджин-Сала у р. Нарын-Зельме за счет средств аймака [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 151. Л. 11].

Переписка между губернскими инстанциями тянулась более полутора лет. Это сопровождалось приобретением деревянных жердей, инструментов (топоров и лопат), выделением двух подвод, 11 пеших и конных рабочих, затянувшимся командированием землемера Управления Глушкова, пристава 3 стана Черноярского уезда Алешечкина, помощника попечителя улуса Сергеева. Дело завершилось лишь 12 июля

1908 г., когда в присутствии указанных лиц, а также кандидата к сельскому старосте Саенко, понятых Антипова и Маковкина от с. Обильного, аймачного старшины Джапа Санджиева, понятых от Ики-Хурулова рода Пюрвя Лиджиева и Манджи Джунгруева, землемер Глушков «указал в натуре между, отделяющую земельный надел с. Обильное от калмыцких земель Ики-Хурулова рода» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 151. Л. 29, 31].

Порой возникали земельные споры между обществом и отдельными его представителями. 20 мая 1915 г. член Ики-Хурулова рода Нимя Джалов, владелец фруктового сада у родника в урочище Аршань-Тег, направил телеграмму в Управление калмыцким народом, в которой просил защиты от Шебенеровского общества, которое «отнимает родник, ... запрещает косить сено в канаве» рядом с родником [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1875. Л. 2].

Управление, естественно, уже через два дня запросило сведения по этому делу у попечителя Малодербетовского улуса, присовокупив, что Н. Джалов имеет «фруктовый сад, канаву, родник и чигири (ручные водоподъемные механизмы. — А. К., Е. К., Б. О.). ...Причем казалось бы правильным, чтобы культурные хозяйства заслуживали всемерного поощрения» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1875. Л. 1].

В своем ответе 29 мая 1915 г. попечитель улуса сообщил в Управление калмыцким народом, что «калмык Ики-Хурулова хотона неточно изложил в телеграмме обстоятельства дела»: по его сведениям оказалось, «что место ... с фруктовым садом Джалова, с родником и чигирями остается в полной неприкосновенности и никто не посягает на его владение. Дело в том, что Джалов самовольно захватил в прилегающей местности к саду на значительном расстоянии сенокосные угодья и увеличил свои владения, огородив их канавой» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1875. Л. 4]. Естественно, что жители хотона подали жалобу в улусное управление. Попечитель улуса поручил этот вопрос рассмотреть на хотонном сходе в присутствии помощника попечителя по Абганеровскому участку [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1875. Л. 11].

Тем временем Н. Джалов подал в письменном виде прошение на имя попечителя, в котором сообщал, что сад с фруктовыми деревьями был посажен его отцом, Джа-

лом Шонхоровым, за что последний был награжден серебряной медалью и похвальным листом. Далее он просил защитить его права и не допустить «отчуждения от меня сенокоса, как находящегося несколько лет в моем фактическом владении» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1875. Л. 15об.].

Н. Джалов приложил к своему прошению свидетельство о награждении его отца 20 апреля 1890 г. императором серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте «за труды по успешному разведению сада и лесных деревьев в степных местностях Астраханской губернии» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1875. Л. 16].

В похвальном листе от 1 июня 1893 г. на имя Джала Шонхорова, также приложенном к прошению Н. Джалова, главный попечитель калмыцкого народа, «осмотрев лично ... и удостоверившись в прекрасном состоянии» хозяйства Джала Шонхорова, советовал улусному попечителю «принять самые строгие меры к ограждению его положения в будущем» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1875. Л. 17].

В конечном итоге дело завершилось справедливым решением Ики-Хурулова хотонного схода 28 июля 1916 г.: сенокосные места у родников в урочище Аршань-Тег были изъяты из единоличного владения Н. Джалова и разделены на паи между всеми жителями хотона с выделением полагающейся доли владельцу сада [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1875. Л. 39].

Еще ранее, в 1887 г., располагавшийся на территории Ики-Хурулова рода Аршань-Зельменский лесной участок вместе с другими лесными участками Малодербетовского улуса (Элистинский (имеется в виду сад в урочище Элиста на территории Бакшин-Шебенерова рода. — А. К., Е. К., Б. О.), Тундутовский и лесной участок на кордоне Булукской степи) был передан из состава калмыцких дач XI разряда в число дач Тенгутинского лесничества — владения казны I разряда. Это было произведено по приказу Министра государственных имуществ от 21 февраля 1887 г. согласно заключению Комитета по лесной части [НА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1973. Л. 1, 3].

В акте, касающемся передачи Аршань-Зельменского лесного участка в со-

став Тенгутинского лесничества, было обозначено условие, «чтобы вода из родника, находящегося на участке, с северной стороны оставалась навсегда в исключительном пользовании калмыков Малодербетовского улуса, владеющих прилегающими к участку калмыцкими плантациями» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1875. Л. 3]. Этим актом земледельцам было дано право возводить «для увеличения оросительной способности» родника технические сооружения без нарушения лесного участка [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1875. Л. 3об.].

Распространенным делом в Ики-Хуруловом роде являлась сдача земельных участков в аренду крестьянам соседних переселенческих сел (Садовое, Обильное, х. Жарков) для распахивания и организации земледельческого хозяйства, чаще для выпаса скота. Решения об этом принимались на заседании аймачного схода, и вырученные средства зачислялись в аймачный капитал, они могли использоваться на общественные нужды. В частности они выделялись на экстраординарные и текущие расходы органов самоуправления, на строительство здания аймачного правления, на командировку землемера Управления калмыцким народом, установление межевых знаков на границе земель рода с землями крестьян с. Обильное и др.

Выводы

Изучение богатого архивного материала о многих сторонах повседневной жизни одного из известных калмыцких шебеновых родов показало, что калмыки Астраханской губернии на последнем этапе дореволюционного периода остались верны традиционному укладу жизни, основой которого являлось кочевое и полукочевое животноводство. Эта приверженность калмыков традиционным канонам являлась не отсталостью уровня жизни, а результатом многовекового опыта выживания в степях аридной зоны. Наличие водных источников, степень насыщенности кормовыми угодьями на разных территориях, чередование пастбищ на протяжении сезонов в зависимости от пространственной обеспеченности — все это было ими рационально проработано.

Вторая половина XIX и начало XX в. принесли в кочевую жизнь калмыцких ро-

дов сужение территории обитания и кочевания в результате крестьянской колонизации калмыцких степей. Точное определение границ улусов и родов в значительной степени также способствовали сокращению прежних экстерриториальных перекочетов. Теперь уже даже привычные зимние откочевки на Черные земли у калмыков Малодербетовского улуса происходили очень редко и только в случае отсутствия кормовых запасов в результате засухи, как это произошло в Ики-Хуруловом роде в 1910 г. Эти факторы в сочетании с социальными (расслоение и обнищание части населения) привели к мелким перекочкам (на 2–3 версты) в пределах своего аймака и, по сути, к оседлому хозяйствованию с вытекающими отсюда последствиями: переход некоторых семей к земледелию и ремеслу, строительство жилых помещений и построек для скота, сенокошение и заготовка кормов для животных. Наглядным примером подобных изменений являлся Ики-Хурулов Шебенов род (самостоятельный аймак), с 1910 г. — Ики-Хурулов хотон Шебеновского аймака Малодербетовского улуса, в отличие от родов в восточных улусах, где кочевничество в силу природно-климатических условий и отсутствия оседлых переселенческих сел сохранило в большей степени свои позиции. В связи с этим некогда размеренный ход кочевой жизни калмыков видоизменился, и земельные споры как вне, так и внутри рода становились привычными.

Еще одним немаловажным изменением как свидетельством эпохи являлись существенные демографические колебания: в Ики-Хуруловом роде от трети до половины населения становились отходниками в работы не только в соседние аймаки и села, а в большинстве случаев — в уезды и города Астраханской, Саратовской и Ставропольской губерний. Представители рода переселялись в другие земли на многие годы, нередко — навсегда. Особенностью Ики-Хурулова рода, как и других родов Малодербетовского улуса, в исследуемый период являлось то, что отсюда из-за дальнего расстояния никто не выезжал на работу на рыбные и соляные промыслы Прикаспия и Нижней Волги. Последнее было характерно для калмыцких родов восточных улусов.

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Материалы 1910 — Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губ. В 2-х ч. Астрахань: Губ. тип., 1910. 1154 с.

Литература

- Авляев 2002 — *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, и особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 г. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Батмаев 2022 — *Батмаев М. М.* Калмыцкая повседневность XVII–XIX вв.: постановка проблемы и история изучения // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 8–18. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-8-18
- Бентковский 1869 — *Бентковский И. В.* Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношении // *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии*. 1869. Вып. 2. С. 141–167; 1870. Вып. 3. С. 95–119.
- Дуброва 1998 — *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Житецкий 1892 — *Житецкий И. А.* Астраханские калмыки (наблюдения и заметки) // *Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края*. Астрахань: Тип. «Астраханского листка», 1892. С. 3–214.
- Жуковская 2013 — *Жуковская Н. Л.* О буддизме и буддистах. Статьи разных лет: 1969–2011. М.: Ориенталия, 2013. 476 с.
- Калмыки 2010 — *Калмыки* / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Команджаев, Бадмаева, Мацакова 2020 — *Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е., Мацакова Н. П.* Из опыта борьбы с эпидемическими заболеваниями в Калмыкии: эпидемия чумы 1914 г. // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 533–545. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545

Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Materials of Statistical Economic and Natural Historic Survey. In 2 parts. Astrakhan: Astrakhan Governorate Press, 1910. 1154 p. (In Russ.)
- Команджаев, Бадмаева 2021 — *Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е.* Эпидемические заболевания в Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX – начале XX в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 1. С. 43–55. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-43-55
- Команджаев, Команджаев 2021 — *Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.* Некоторые черты ментального облика российских калмыков в конце XIX в. (по свидетельству чиновников администрации) // *Журнал фронтальных исследований*. 2021. № 3. С. 48–62. DOI: 10.46539/jfs.v6i3.319
- Мукаева 1978 — *Мукаева О. Д.* Жизнь — служение народу: биографический очерк о Ц. П. Петкиеве. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 25 с.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 190 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1934. 290 с.
- Новолетов 1884 — *Новолетов М.* Калмыки: исторический очерк. СПб.: Изд. владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давида Тундутова, 1884. 77 с.
- Обычаи 1989 — *Обычаи и обряды монгольских народов: сб. статей / отв. ред. А. Г. Митиров.* Элиста: КНИИИФЭ, 1989. 125 с.
- Очиров 1910 — *Очиров Н. О.* Отчет о поездке Н. Очирова к астраханским калмыкам летом 1909 г. // *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии*. СПб.: Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, 1910. № 10. С. 61–75.
- Пальмов 1932 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. В 5 частях. Ч. 5. Дела земельные. Астрахань: Калм. обл. испол. комитет, 1932. 186 с.
- Смирнов 1999 — *Смирнов П.* Путевые заметки по калмыцким степям Астраханской губернии. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 246 с.
- Эрдниев 1985 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки: историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

References

- Avlyayev G. O. Origins of the Kalmyk People. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.) The Kalmyks. Joint monograph. Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords: A Writing of 1761. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Everyday life of Kalmyks, 17th–19th centuries: Defining the problem and its background. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No.1. Pp. 8–18. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-591-8-18 (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. Kalmyk woman of Bolshederbetsky District in physiological, religious and social perspectives. In: Collected Statistical Data on Stavropol Governorate. Stavropol: Stavropol Statistical Committee, 1869–1870. Vol. 2, pp. 147–167; vol. 3, pp. 95–119. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. Kalmyks of Stavropol Governorates and Their Household Life before the Law of 15 March 1892. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
- Dushan U. D. Selected Works. V. Batyrov, T. Sharayeva (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 376 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks: Essays in History and Ethnography. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Epidemic diseases, late 19th – early 20th centuries. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 43–55. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-43-55 (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E., Matsakova N. P. Experience of combating epidemics in Kalmykia: A case study of the 1914 plague outbreak. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 533–545. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545 (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Some characteristics of the mentality of the Russian Kalmyks at the end of the 19th century (According to the testimony of government officials). *Journal of Frontier Studies*. 2021. No. 3. Pp. 48–62. DOI: 10.46539/jfs.v6i3.319 (In Russ.)
- Mitirov A. G. (ed.) Customs and Rites of Mongols. Collected articles. Elista: Kalmykia Research Institute of History, Philology and Economics, 1989. 125 p. (In Russ.)
- Mukaeva O. D. The Life Dedicated to People: A Biographical Essay about Ts. P. Petkiev. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. 25 p. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khosheutovsky District: Essays on Household Life. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 190 p. (In Russ.)
- Nefedyev N. Detailed Eyewitness Accounts of the Volga Kalmyks. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 290 p. (In Russ.)
- Novoletov M. The Kalmyks: A Historical Essay. St. Petersburg: Prince T.-D. Tundutov, 1884. 77 p. (In Russ.)
- Ochirov N. O. Report on the summer 1910 journey to Astrakhan Kalmyks. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii*. 1910. No. 10. Pp. 61–75. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. In 5 parts. Part 5: Land Affairs. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1932. 186 p. (In Russ.)
- Smirnov P. Travel Notes on Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 246 p. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhanskies Kalmyks: Observations and notes. In: Collected Works by Members of Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Land. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1892. Pp. 3–214. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. About Buddhism and Buddhists: Articles of Various Years, 1969–2011. Moscow: Orientalia, 2013. 476 p. (In Russ.)

